

DIE WELT DER SLAVEN

INTERNATIONALE HALBJAHRESSCHRIFT
FÜR SLAVISTIK

Jahrgang LIX
Heft 1

2014

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN - BERLIN - WASHINGTON/D.C.

DIE WELT DER SLAVEN

INTERNATIONALE HALBJAHRESSCHRIFT FÜR SLAVISTIK

Herausgegeben von

Peter Rehder (München) und Igor Smirnov (Konstanz)

Beirat: Daniel Bunčić • Raoul Eshelman • Rainer Grübel • Wolfgang Hock
Sebastian Kempgen • Aleksandr Lavrov • Volkmar Lehmann • Olga Matich
Schamma Schahadat • Wolf Schmid • Ulrich Schweier • Barbara Sonnenhauser
Klaus Steinke • Michael Wachtel • Anna Zalizniak

Jahrgang LIX (2014), Heft 1

(Erscheinungsdatum: 2. Januar 2014)

Inhalt

Artikel

- Добровольский, Дмитрий О.: Русские обращения в параллельных корпусах.
(К вопросу культурной специфики некоторых лексических классов) 1
- Рахилина, Екатерина В., Владимир А. Плунгян: Семантико-синтаксические
свойства русских конструкций с предлогом *под*. Прямые (пространственные)
и переносные (временные) употребления 22
- Малыгина, Мария А.: Языковые особенности и состав Минейного стихираря
(на материале рукописей XII в.) 57
- Krivko, Roman: Zur Bedeutung kirchenslavischer Übersetzungen für die historische
Lexikographie des Griechischen: Das *βαρὰν λεγομενον λιμβίς* vs. *зривъна* ‚Hals-
kette‘ 82
- Veder, William R.: Der „Zweite Südslavische Einfluss“ aus der Sicht der Textüber-
lieferung 95
- Lenhoff, Gail, Janet Martin: Smolensk after the Mongol Invasions: A Reconstruc-
tion 111
- Schahadat, Schamma: Baustellen und Bauopfer in der Kultur des Stalinismus 137
- Fieguth, Rolf: Krasiński-Anspielungen in Cyprian Norwids Poemen und Zyklen
(von „Pompeja“ bis „Vade-mecum“) 154
- Grübel, Rainer: The German Reception of Ranko Marinković's Oeuvre and the
Four Translations of his Essayistic Novella „Ruke“ into German 183

Einsendung von Artikeln

(bitte Typoskriptregeln anfordern) bzw. von Rezensionsexemplaren an die Herausgeber:
Prof. P. Rehder, Universität München, D-80539 München (Rehder@lrz.uni-muenchen.de),
Prof. I. Smirnov, Universität Konstanz, D-78464 Konstanz (Igor.Smirnov@uni-konstanz.de).

Eine Verpflichtung zur Besprechung oder Rücksendung zugesandter Bücher kann nicht
übernommen werden. Rezensionen nur nach Rücksprache mit den Herausgebern.

Inhaltsverzeichnisse der Jahrgänge XLI (1996) mit LIX, 1 (2014) als pdf unter:
http://www.slavistik.uni-muenchen.de/forschung/publikation/welt_der_slaven/index.html

ISSN: 0043-2520; ISSN (Internet): 2193-5475

© 2014 bei Kubon & Sagner GmbH

Heßstr. 39/41 - D-80798 München --- Friedrichstr. 200 - D-10117 Berlin

1532 T Street NW - Washington/D.C. 20009, USA

Telefon 0049 (0)89 54218-107 - Telefax 0049 (0)89 54 218-226

»Verlag Otto Sagner« ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

Die Auslieferung für die USA übernimmt die Kubon & Sagner Inc., Washington/D.C.

Gesetzt aus der Campus Garamond von MacCampus

Druck- und Bindearbeiten: Strauss GmbH, D-69509 Mörlenbach

Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДЛОГОМ *ПОД* Прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления¹

Введение

Связь между языковыми представлениями о времени и языковыми представлениями о пространстве – вещь слишком очевидная, чтобы быть устроенной просто. С одной стороны, такие классики как Дж. Лакофф и М. Джонсон убеждают нас, что TIME is SPACE, с другой – внимательные к языковому материалу типологи, как М. Хаспельмат (Haspelmath 1997) предупреждают, что далеко не все временные значения восходят к пространственным. Таким образом, важной задачей было бы установить границы этого перехода – чтобы определить степень устойчивости такой когнитивной связи.

По нашему мнению, в естественном языке есть три «надежных» зоны, в которых такая связь действительно засвидетельствована в том числе и типологически – и вообще говоря, они очень локальны. А именно:

- *Периоды времени как контейнеры*, в которые уложены события (*в январе, в перерыве, во время выступления* – как *в корзине, в пещере*).
- *Временные точки как пространственные цели движущихся объектов* (*назначить на 5 января как положить на стол*).
- *Время как перемещающиеся потоки или точки* (*годы идут*) / *точки или субстанции*, к которым «приближается» наблюдатель (*к двум часам*) – к ним применимы все те «обычные» средства пространственной ориентации, которые описывают другие объекты того же рода (так что здесь на самом деле речь идет не о метафоре *пространство* → *время*, а о метафоре *время* → *дискретный движущийся объект / вещество*).
- *Большие расстояния, измеряемые движением по ним* (непрерывным или фрагментарным, итеративным – *длинная дорога, редкие станции*). В таком случае это опять не метафора, поскольку речь идет о физическом (или абстрактном, ментальном) преодолении человеком больших пространств, которое одновременно требует больших временных затрат – значит, отношение между этими семантическими зонами (доменами) устанавливается метонимически.

По-видимому, можно согласиться, что такие связи пространства и времени достаточно прозрачны – очень похожие идеи были высказа-

¹ Мы благодарим за поддержку Норвежский исследовательский совет (Norwegian Research Council) и Центр перспективных исследований (Centre for Advanced Study) Норвежской академии наук в Осло, где данная работа была выполнена в 2011 г. в рамках проекта «Time is Space: Unconscious Models and Conscious Acts».

ны в уже упоминавшейся книге М. Хаспельмата на материале 53-х языков (Haspelmath 1997, 141).

Впрочем, даже в тех случаях, когда такое отношение кажется совершенно прозрачным, оно все равно, по-видимому, требует тщательного исследования: и здесь можно обнаружить «подводные камни», существенно усложняющие картину.

Например, если взять зону ‘преодоления препятствия’, которая обслуживается в русском языке предлогом *через*, то она создает иллюзию полной симметрии в пространственном и временном доменах, ср. *он живет через два дома от нас* (‘одиночный отрезок’) – *газеты вышли через два дня после переворота* (‘однократная ситуация’). Именно так это представлено в [Рахилина 2000/2010]. Любопытно, однако, что в таких временных контекстах естественная метонимия типа ‘время’ ↔ ‘событие, происходящее в это время’ реализуется не с любыми, а только с повторяющимися ситуациями: можно сказать *через два урока*, но плохо: ^{??} *через два обеда*. Это значит, что пространственное *через* действительно может описывать одиночный отрезок пространства, имея в виду статичную единичную ситуацию, тогда как временное – предполагает итеративность, ориентируясь на модель движущегося потока сходных событий – а следовательно, о полной симметрии в концептуализации пространства и времени говорить здесь не приходится.

Между тем, интересно было бы получить представление о природе пространственно-временных совмещений и за пределами «прозрачных зон», изучая последовательно разные локализации (такие как ‘*выше* горизонтальной поверхности’, ‘*на* поверхности’ ‘*с нефасадной стороны* вертикального объекта’ и др.) в разных языках. Создается впечатление, что в конкретных локализациях есть много нетривиальных с семантической точки зрения эффектов склеивания пространственных и временных маркеров. По нашему мнению, такого рода «непрозрачность» скорее всего обусловлена тем, что исходно пространственные по своему значению сочетания оказались фрагментами более сложных конструкций, временная составляющая которых обеспечивалась другими компонентами.

Таким образом, с исторической точки зрения контаминация пространства и времени в такого рода случаях – это результат длительного по времени развития и взаимовлияния семейств конструкций, одни из которых выражают пространственные, а другие – временные значения. С синхронной точки зрения – это вопрос «пространственного» размещения, сосуществования и взаимодействия этих двух категорий внутри одной и той же, но сложной языковой единицы.

Хорошей иллюстрацией сказанного могут служить русские аккумулятивные конструкции с исходно пространственным предлогом *под*, каждая из которых имеет временной компонент в своем значении.

Условно их можно разбить на три группы, или семейства – соответственно:

- (1) со значением одновременности: *петь под музыку, сон под шум дождя*,
- (2) непосредственного предшествования *под утро, под старость*; <ему> *под сорок* и:
- (3) проспективности *пристройка под бассейн* (с возможностью перестройки в ретроспективность *деньги под залог*).

Эти конструкции существенно отличаются от прототипических пространственных употреблений ПОД, наследуя в то же время некоторые их свойства.

Наша задача:

- проанализировать исходную, пространственную, конструкцию с ПОД: выявить ее прототипические свойства (и семантическую доминанту);
- ✓ условия их реализации в «центральных» пространственных употреблениях;
- ✓ описать степень их «деформации» в периферийных употреблениях;
- ✓ выделить факторы, способствующие такой деформации;
- проанализировать конструкции с ПОД, имеющие не пространственное, а временное значение, т.е. для каждой группы конструкций
- ✓ определить «прототипическую» структуру и ее возможные варианты и затем для всех вариантов описать:
 - ✓ процедуру наследования исходного пространственного значения фрагмента с ПОД;
 - ✓ природу содержащегося в этой конструкции временного компонента;
 - ✓ роль дополнительных составляющих и соответствующие им значения;
 - ✓ взаимодействие между пространственными и временными слотами.

I. Пространственные конструкции

1. Прототипические контексты

В прототипическом варианте (с непереходным глаголом), структуру конструкции можно представить в виде таблицы (1):

X существительное	V Глагол простр. локализации / позиции	ПОД	Y существительное, SG, INSTR
<i>документы</i>	<i>лежат</i>	<i>под</i>	<i>часами</i>

Пространственная ситуация задается предикатом **локализации** (*быть, находиться, оказаться*) или **позиции** (*стоять, лежать висеть*) [исходно подвижного] X, который служит фигурой – и неподвижным объектом-фоном Y, локативная роль которого в русском языке оформлена несвойственным ей в обычном случае творительным падежом²: ‘X находится ниже нижней поверхности Y’, ср. *под часами, под кроватью, под снегом, под прессом...*

² Современные употребления русского беспредложного творительного, в общем, довольно далеки от пространственной семантики (см. Janda 1993, Mrázek 1964, Wierzbicka 1980) за исключением довольно узкого класса употреблений со значением траектории движения (подробнее см. Рахилина 2010: 79): *идти лесом*,

Общее значение конструкции определяет идея доминанции фона над фигурой (Плунгян, Рахилина 2000). Для чисто пространственных контекстов доминанция интерпретируется либо как контакт объекта-фигуры с нижней поверхностью объекта-фона (*под прессом, под стопкой газет ...*), либо, если нижняя поверхность приподнята, то как бесконтактная доминанция (*под кроватью, под столом, под кронами деревьев, под крылом самолета ...*).

Заметим, что контактная интерпретация чисто пространственных сочетаний (с именами конкретных объектов, заполняющих слоты) может давать семантический сдвиг: метафору статичности, т.е. отсутствия движения: *лежать / хранить под сукном, под матрасом*. Между тем бесконтактная интерпретация такого сдвига не предусматривает, поскольку она возможна не только при «статичных» глаголах, т.е. глаголах, описывающих постоянное местоположение, но и при глаголах движения, ср.: *под кроватью сидел паук / бегали тараканы*.

Таким образом, в прототипическом случае существенную роль играет топология Y: Y «предпочитает» неподвижные объекты, у которых есть нижняя поверхность. Это условие объясняет запреты на Y, приведенные в Плунгян, Рахилина (2000):

- мелкие (а значит, в функциональной ситуации, подвижные) объекты – прототипические ‘фигуры’, без релевантной нижней поверхности, ср.: ^{??}*под гвоздем, кнопкой, винтом*,
- жидкие и сыпучие вещества – мобильные, а также не имеющие формы (не образующие в данной ситуации слоя), а значит, нижней поверхности: ^{??}*дно котелка под похлебкой*, [?]*поверхность стола под пылью* (!*под слом пыли*)

Каузативный коррелирует конструкции (*мама хранила документы X под часами Y*), описывающий каузацию местонахождения и сохраняющую надежную маркировку Y, бесспорно, тоже является прототипическим. Но в том же ряду, как направлятельную разновидность *пространственной* конструкции с ПОД, мы рассматриваем и группу (каузативных или некаузативных) контекстов, которые выражают процесс перемещения X в пространстве под нижнюю поверхность Y как конечную точку такого перемещения. В соответствии с каноническими требованиями кодирования соответствующей роли, в направлятельных употреблениях Y стоит в Асс (*уж заполз под матрас, документы положили под часы*³), а общая семантика (с поправкой на на-

кровь хлынула горлом. Ясно, что такие контексты являются «осколками» более старой и цельной системы, в которой творительный имел локативное значение (Бернштейн 1958), по-видимому, близкое к неточной локализации – именно такие значения дают полисемию с переходом в инструментальные. Другим свидетельством существования такой уже разрушенной системы служат в современном русском сочетания творительного с узким классом пространственных предлогов, а именно: *за, перед, под, над*.

³ В тот же класс попадает и нестандартное *писать под копирку*, представляющее своего рода синтаксическую компрессию: ‘писать, положив под копирку’, в ходе

правительность), остается той же, потому что семантическую стабильность конструкции, как мы уже говорили, обеспечивает не глагол, а соотношение между Y и X, которое в этом случае полностью сохраняется.

Между тем, оно может и нарушаться – но в первую очередь «по вине» Y: во-первых, ввиду его нестандартных пространственных характеристик (раздел 3), во-вторых, ввиду его «повышенной» функциональности (раздел 4) и в третьих, ввиду его абстрактной, непредметной природы (раздел 5). Каждый следующий из перечисленных случаев стоит дальше от чисто пространственного прототипа – тем не менее, как мы покажем, все они хорошо сохраняют общую семантику исходной конструкции (а именно, идею доминации) и могут считаться ее разновидностями.

2. Периферийные употребления: нестандартная топология

В известной статье Jackendoff, Landau (1991) авторы, в частности, обсуждают следующий любопытный вопрос: почему пространственные предлоги так мало и избирательно отражают пространственные (и, шире, топологические) характеристики объектов реального мира? В статье отмечено, что естественный язык как бы “фильтрует” описания объектов, опуская большинство нюансов формы и оставляя только основные характеристики – прежде всего описание “контура” и поверхностей объекта, его объема и положения в пространстве. Но дело, по-нашему мнению, обстоит еще сложнее, потому что даже и эти основные (для визуального восприятия) параметры выражаются далеко не всегда (ср., например, исследования способов выражения формы и границ объекта в русском языке в Рахилина 2000/2010). Об этом свидетельствует прежде всего тот простой факт, что в естественных языках предлогов очень мало – по крайней мере на несколько порядков меньше, чем названий объектов, имеющих самые разнообразные формы. Например, в русском языке нет специального предлога, описывающего V-образное движение типа “вниз–вверх” или прохождение сквозь “бубликообразный” объект, и т.п.

Конечно, в естественном языке в принципе не может быть готовых обозначений для любого фрагмента действительности. Язык стремится использовать одну и ту же единицу для обозначения разных ситуаций за счет особых – но стандартных – правил взаимодействия ее семантики с контекстом: для предлогов наиболее существенны имена в их сфере действия. Необходимости в большом количестве предлогов не возникает, если естественным и предсказуемым для носителя языка образом менять интерпретацию – при из-

которой этот глагол наследует модель управления семантически инкорпорированного предиката – как *sneeze* ‘чихнуть’, наследует управление семантически инкорпорированного ‘сдуть’ в знаменитой конструкции *to sneeze the napkin off the table* ‘счихнуть (т.е. чихнуть, сдуть) салфетку со стола’ (Goldberg 1995).

менении формы, или топологического типа (т.е. сочетания формы и пространственной ориентации⁴), соответствующего объекта. В этом смысле не верно, что язык никак не использует разнообразия форм: просто форма и, шире, топология, задействована в языке не всегда эксплицитно. Наша задача – ее роль реконструировать и эксплицировать.

Итак, в исходной конструкции с ПОД *Y* имеет релевантную нижнюю поверхность, она всегда выше верхней поверхности *X* (так что *Y* доминирует над *X*), в контактном или дистантном с ней отношении. Нестандартная для ПОД топология *Y* возникает в трех следующих случаях, которые можно условно описать так: когда доминирующая поверхность развернута, вогнута или редуцирована. Каждому из этих случаев соответствует свой топологический тип объекта *Y* – соответственно: «слои», «купола», «стены» («колонны»).

2.1. «Слои»: *Y* и *X*, если они расположены контактно, могут иметь самую разную ориентацию в пространстве, оставаясь один под другим, т.е. легко «разворачиваясь» из горизонтального положения в наклонное, вертикальное и др. Ср. прежде всего, слои одежды (*свитер под шубой*), но также другие: *газета под обоями* или: *фрески под штукатуркой*; то же для веществ, ср. *подо льдом* (в том числе на [вертикальном] оконном стекле).

2.2. «Купола»: *Y* представляет собой горизонтальную поверхность, функциональная с точки зрения ПОД нижняя поверхность которой вогнута, так что *X* оказывается в этой ситуации внутри купола в самой верхней его части, ср. *под куполом цирка* = 'внутри купола' [о гимнастах, но не о зрителях], *волосы под шапкой* = только: 'внутри шапки'.

Ср. здесь же: *удар под дых*, *под ложечку*, *под ребро*, а также: *воротник под горло* – имеется в виду то место, где горло образует верхнюю поверхность с подбородком, а кроме того построенное по той же модели метафорическое *под завязку* из: *полный под завязку* – полный мешок, завязанный сверху, а изнутри образующий своего рода купол, вся верхняя часть которого целиком заполнена.

Таким образом, особенностью этого топологического типа оказывается то, что крайне релевантной становится его верхняя граница, своего рода предел воображаемого движения (в данном случае – вверх)⁵. Эта особенность объединяет класс «куполов» с классом вертикальных объектов.

⁴ О топологических типах см. Talmy 2000, Рахилина 2000/2010, 111-167, а также на материале НКРЯ, Десятова, Ляшевская, Махова 2008.

⁵ Заметим, что в корпусе нашлось и несколько примеров, где сильный контекст «исправляет» топологию, подавляя идею максимально верхней точки и тем самым «возвращая» семантику ПОД в привычное русло прототипа, ср.: *установили на*

2.3. У объектов, которые топологически можно классифицировать как вертикальные («стены» или «колонны»), нижняя поверхность является опорной и нефункциональна. Поэтому конструкции с ПОД, как бы редуцируя ее, метонимически используют вместо нее пространство вблизи ее границы. Таким образом получается, что такие сочетания описывают ближайшую, причем нижнюю, окрестность объекта, который представляется своеобразной границей воображаемого (горизонтального) движения (ср. здесь «купола»): *под стенами города, под горой, под колоннами Большого театра, под дверью* = ‘внизу рядом’. В тот же класс (с интерпретацией ‘рядом’) попадают и названия городов, ввиду исторически закреплённой метонимии ‘стены городских укреплений’ → ‘город’, ср.: *жил под Москвой, бои под Минском, замок под Парижем*.

Замечание. Иногда части тела формируют идиоматичные конструкции с ПОД – об этом мы будем говорить (ср. ниже 4.1., 4.3.). Но чаще в такого рода контекстах происходит предсказуемое смещение значения за счет чуть более сложной структуры самой конструкции. Это смещение обусловлено тем, что части тела реляционны, и у них есть обязательно выраженный аргумент-владелец, который метонимически сам становится фоновым объектом Y, причем, естественно, вертикально ориентированным. Это значит, что независимо от топологии части тела как таковой, она «превращается» в вертикальную поверхность, и семантика конструкции в целом получается одна и та же, основанная на идее функциональной близости: *под рукой / руками*⁶, *под ногами (валяться, пугаться)*, *под боком, под носом, под ухом* = ‘рядом’. Обратим внимание, что список частей тела, которые способны в данной конструкции метонимически представлять человека, не велик и исчерпывается ровно теми сочетаниями, которые мы привели. С остальными ПОД-конструкциями строится по стандартным правилам, ср.: *под пяткой* (а также метафорическое: *под пятой*), *под языком, под брюхом [жорабля]*, *под ушами* (ср. выше *под ухом*), *под подбородком, коленкой* и др. = ‘под нижней горизонтальной поверхностью’.

Важно, что даже в контексте имен с нестандартной топологией, пространственная семантика направительного варианта конструкции, с винительным падежом, обычно сохраняется такой же, как в чисто локативном корреляте, с творительным: *покатился под гору* имеет то же значение ‘внизу рядом’, что и ‘жить под горой’. Ср. также *смотреть под ноги – лежать под ногами* (‘близко внизу’), *лежать под носом* ‘рядом’ – *бормотать под нос* (‘тихо’ = ‘так, что голос слышен близко’), а также *под откосом железной дороги* ‘внизу насыпи’ – и метафору *пошел под откос* в значении ‘вниз по социальному «склону»’.

Любопытны причины различий, которые возникают при интерпретации локативных и направительных контекстов с ПОД у формы множественного числа *руки*, соответственно, в творительном и винительном падеже, ср.: *держат под руками* – *держат под руки* – также

нижнем этаже под куполом с часами фонтан, изображающий богиню охоты Диану (1997).

⁶ О функциональном контексте вида: *под < ego > руками < возник >* см. 3.3.

под руку (как результат *взять под руки / под руку*). Дело в том, что в соответствующих сочетаниях реализуются (и противопоставляются) две разные модели рефлексивизации – субъектная (а) и объектная (б):

(а) субъектная рефлексивизация:

Z держит X под руками Y-а,

где $Y=Z$, а X – другой участник ситуации, причем статичный и скорее, неодушевленный. Буквально это значит: ‘держит X под своими руками’ и интерпретируется как ‘близко, рядом’, ввиду вертикальной топологии человека в целом и, метонимически, Y , ср. *под ногами*.

(б) объектная рефлексивизация:

Z держит X под руки / руку Y-а,

где $Y=X$, а Z является другим, причем одушевленным, партиципантом, контролером – но не участником – пространственного отношения. Поэтому раз X и Y – один и тот же объект, метонимия, которая устанавливается в (а), сокращающая число участников пространственного отношения, здесь невозможна. Действительно, конструкции с ПОД требуется еще один участник – и им становится «автономная» в таком случае *рука*. Тогда она получает собственную топологическую интерпретацию, подходящую для ПОД, и оказывается в ситуации поддержки – «куполом», внутренняя вогнутая поверхность которого (причем, как и положено, в своей верхней части) «задействована» Y .

3. Периферийные употребления: акцент на функциональности

Теперь рассмотрим случаи, когда в качестве Y или сразу пары X и Y – выбраны имена с сильной функциональной составляющей и покажем, как именно, по каким правилам и в какой степени трансформируется в этих условиях исходная пространственная семантика конструкции с ПОД. По нашему представлению, контексты такого рода делятся на три класса:

- X и Y образуют устойчивую пару, которая не только пространственно, но и функционально связана (4.1),
- доминация Y не только пространственная, но и функциональная (4.2),
- функциональная составляющая в Y настолько сильна, что Y приобретает свойства фигуры (4.3.)

3.1. X и Y как устойчивая пара

Если X и Y образуют устойчивую пару, это значит, что они сосуществуют в некоторой определенной и всегда фиксированной (то есть неизменяемой) пространственной конфигурации. Хороший пример такой конфигурации образуют части и целые (как *крыша* и *дом*), но также класс объектов, который мы предложили в свое время называть *дополнителями* – и их коррелятами (как *крышка* и *кастрюля*), подробнее см. Рахилина 2000/2010, 45-55. В отличие от частей-целых,

члены таких пар отделимы и в принципе могут существовать отдельно друг от друга, ср. *крышка от кастрюли*, но не: **крыша от дома*, но, также как и части-целые, тесно связаны и предназначены для совместного, а не «индивидуального» существования.

Поскольку пространственное соотношение X и Y в таких парах раз и навсегда фиксировано и не является новой, рематической информацией, а значит, не может быть главным содержанием предложной конструкции, оно дополняется функцией, которая и выходит на первый план. При этом пространственная конфигурация X и Y обычно остается стандартной для ПОД: Y выше X, ср.: *рыба под соусом*, *лодка под парусом*, *быки под ярмом* (ср. метафору: *под игом*), *ослик под грузом какой-то тяжести* (ср. метафору: *под грузом ответственности, наследственности* и др. под., ср. также только метафорическое уже с XVIII в. *под бременем, под гнетом*), *солдат под ружьем*, *невеста под венцом*, *эскадра под флагом командующего*, *крепость под флагом*, а также: *под заголовком, под знаком, под именем*. Однако при таком сильном функциональном компоненте взаимное расположение X и Y может быть и менее предсказуемым, как, например, в *дверь под замком*, потому что «вычитывается» из семантики имен.

По тем же причинам не верно и обратное, так что для частей-целых и дополнителей не обязательно, чтобы любая пространственная конфигурация объектов, удовлетворяющая топологическим условиям ПОД (то же, конечно, верно и для других локализаций), поверхностно выражалась именно этим, соответствующим ей пространственным предлогом. Ср. хорошо известные (из работ Herskovits 1986, Vandeloise 1991 и мн.др., см. подробнее обзор Филипенко 2000) примеры типа: *лампа под патроном* или: *ножки под сиденьем*, приемлемые исключительно в нефункциональном, раздельном их расположении. Если это нормальная, функциональная позиция, то либо она описывается другим предлогом, как *лампа в патроне*, либо вообще никак поверхностно выражена быть не может – как в случае ножек и сиденья (просто *табуретка*).

3.2. Функциональная доминация

Функциональная доминация естественна для объектов и поверхностей, доминантное пространственное положение которых обусловлено их функциональностью. Таковы, прежде всего, источники света: они всегда дистантно вверху, так что, в принципе, пространственная интерпретация, соответствующая ПОД, для них естественна (*под луной, солнцем*), но при интерпретации соответствующих единиц гораздо более существенную роль для них играет функциональный компонент. В частности, источник света всегда должен быть виден наблюдателю и всегда должен находиться в «рабочем» состоянии: *сидел под лампой, под лампой вились мошки* и под.; ср. также *идти под зонтом*: *зонт* обязательно открыт.

3.3. Фон как фигура

Возможны контексты, когда в позиции фонового, статичного Y оказываются имена принципиально другой семантики – классические «фигуры», т.е. нестатичные, движущиеся объекты. Есть три основных класса таких объектов.

Прежде всего это те, которые *не находятся* вверху, а *падают* сверху: *дождь, душ, струя*, (метонимически) *вода* и *снег* (только как движущийся 'поток' или снегопад; другой, чисто пространственной интерпретации требует статичное *под водой / снегом* как 'под слоем воды / снега'), ср. в том же ряду (метонимически) *кран*; а кроме того падающие и летящие навстречу артефакты, прежде всего *стрелы, пули, бомбы*, метонимически *огонь* и др.

Второй важный класс – это *инструменты*; они тоже подвижны и активны, поэтому интерпретация этих контекстов всегда функциональна, ср.: *это произведение родилось под пером известного писателя / резцом скульптора*. Ср. также: *под ножом* (Одно дело, когда больной умирает в реанимации, и совсем другое, когда у тебя под ножом), *топором, кнутом, мечом, кувалдой, лопатой, пистолетом*, а также метонимически *под дулом* или *прицелом*. Из квази-инструментов (т.е. частей тела с близкой к инструментам функциональностью) отметим прежде всего *рука*, обычно в P1: *под его руками*.

Наконец, третий класс – это наземный *транспорт*: машины, поезда, велосипеды и под. Исторически, видимо, исходным следует считать сочетание *под копытами* в его функциональном значении квази-инструмента (как только что упомянутое *под руками*), и его направительный коррелят *под копыта*, который и дает метонимический перенос на целое, ср. *под лошадь* (но не: **под лошадью* – если значение не чисто-пространственное). Аналогично построены *под телегу, под карету, под машину* и др., а также *под колеса* – их интерпретация предполагает непосредственное контактное воздействие на X.

Во всех трех случаях Y трансформируется из статичного фонового объекта в активно (и агрессивно) воздействующий агенс, тогда как X выполняет в таком случае роль пациенса.

В принципе, все три типа допускают и локативную, и направительную конструкции (*попасть под меч, кувалду, топор, кнут*), однако возможны предпочтения и ограничения на каждую из конструкций:

*Под ветром / *под ветер* (ср. *под дождем / под дождь*)

*Под руками / *под руки* [в том же значении близости, ср. здесь параллельное: *под ногами – под ноги*; но *под руки* имеется в другом, конкурирующем значением, предполагающем другую модель рефлексивизации, см. ниже]

*Под пером, резцом / под *резец, ?перо* (правда, встретилось: *попался под перо*)

Попал под кулак, метлу, руку

Существенно, что предикаты сохраняют идею стабильной локализации X или описывают каузацию такой локализации. Таким образом, в широком смысле обе конструкции и при функциональном сдвиге остаются пространственными⁷.

4. Периферийные употребления: векторы метафор для абстрактных имен

Абстрактные употребления развиваются по 2-м направлениям, которые можно условно назвать «охрана» и «агрессия» и реализуют, соответственно, статическую и динамическую метафоры.

Источником для первой является пространственный концепт, свойственный именам, обозначающим статичные фоновые объекты, «покрывающие» фигуру – он и модифицируется в функциональную идею «охраны». Эта линия развития прослеживается уже в метафорах с ПОД для предметных имен, таких как *крыло* или *крыша*, ср. примеры НКРЯ:

Под крылом: Пруссия, собственно говоря, возросла под крылом России (Данилевский 1869)

Под крышей: Беспредел творится под крышей нашего завода (1997), ср. также дальнейшее развитие в этом направлении: *разведчики работают под «крышей» дипломатов*⁸.

Идея «агрессии» вырастает из функциональных контекстов, в которых Y является движущимся, как транспортные средства, падающие объекты, а также инструменты – и в процессе движения входит в контакт с фигурой, (агрессивно) воздействуя на нее.

В сочетаниях с абстрактными именами прослеживается то же противопоставление, причем обе идеи – и «охраны» и «агрессии» реализуются как в стативном, так и в динамическом вариантах конструкции с ПОД, ср.:

В локативной конструкции (с творительным):

«охрана» – *под крылом, под властью, под защитой, под караулом* (устар.), *под контролем, под наблюдением, под надзором, под опекой, под охраной, под покровительством, под прикрытием, под присмотром, под стражей*.

⁷ Фразеологизованные отклонения возможны, например, в контексте глагола *говорить: говорить под руку* (= ‘сказать нечто, касающееся происходящего в данный момент действия, которое производит слушающий, и этим ему помешать’). Причина отклонения в том, что *рука* здесь имеет функциональную интерпретацию – работающего инструмента.

В локативной конструкции функциональное значение возникает у *руки* во множественном числе: *возник под руками скульптора*, ср.: *Дерево жалобно поскрипывало под её руками* (Фазиль Искандер. 1967).

⁸ Более естественно, когда статичный фон оказывается дистантным – как мы увидим, это отражается в метафорах. Единственный, по-видимому, случай контактного статичного фона – *под ковром* – с большой вероятностью является калькой метафоры скрытого действия, скорее всего французской, ср.: *cacher sous le tapis*, но также и англ. *sweep under the carpet* (‘прятать под ковром’).

«агрессия» – *<находиться> под влиянием, под воздействием, под действием, под запретом, под началом, под обаянием, под очарованием, под подозрением, под следствием, под статьей, под судом, под трибуналом, под обстрелом, под ударами, под управлением, под юрисдикцией.*

В направительной конструкции (с винительным):

«охрана» – *возвратиться под власть, взять под защиту, под контроль, под караул (устар.), под наблюдение, под надзор, под опеку, под охрану, под покровительство, под стражу,*

«агрессия» – *попал под амнистию, под арест, под влияние, под воздействие, под действие, под запрет, под кампанию, критику, под начало, под обаяние, под очарование, под подозрение, под раздачу, под следствие, статью (графу, приказ), под суд, трибунал, под управление, подвести под обстрел, под расстрел, под сокращение, под удар, под юрисдикцию.*

Важно, что набор предикатов, которые встречаются при абстрактных именах очень ограничен – входящие в него предикаты описывают (абстрактную) локализацию субъекта: ср. *быть, находиться, оказаться под следствием, обстрелом* и под., или ту же локализацию как конечный пункт: *идти под, попасть под, вернуться под арест, обстрел...* Аналогично в каузативных контекстах, где локализуется объект воздействия, ср.: *оставить, держать под судом, следствием* и: *подвести под следствие, послать под обстрел, отдать под суд, поместить под наблюдение.* Речь идет о «консервации» абстрактного пространства, в котором субъект (или объект) оказывается в данной ситуации локализован, – либо как его «охранной зоны», либо как «зоны агрессивного воздействия». Существенно что во все такие предикаты встроена локативная переменная, она и обеспечивает таким контекстам устойчивую связь с абстрактным пространством и в конечном счете локативную семантику.

Эта связь достаточно жестко выражена синтаксически при аккумулятивном маркировании – ср. практически закрытые списки предикатов для контекстов типа *под наблюдение* (по НКРЯ): *брать, взять, попасть, ставить, отдать / сдать, посадить, принять* или *под арест* (по НКРЯ): *брать, взять, отправить, вести (тащить, гонять), заключить, посадить / сажать / засадить, идти (пойти, явиться, устар. ступать), попасть.* Соответствующий список глаголов для контекстов с чисто локативной семантикой кажется более свободным, по крайней мере для некоторых имен. В него входят прежде всего предикаты, описывающие местонахождение субъекта или каузацию местонахождения объекта (для *под наблюдением*: *находиться, быть, держать, жить, хранить*; для *под арестом*: *быть, держать / содержать, находиться, просидеть, провести, пребывать, оставаться, оказаться*). В дополнение к этим семантически и синтаксически компактным группам, и в том, и в другом случае встречаются предикаты другой семантики, ср., например:

После этого разговора мне вернули мой паспорт, и я, под наблюдением румынских агентов, выехал в Бухарест [Б. В. Савинков. Воспоминания террориста (1909)];

*Я не спал за стеной, когда мама странным голосом читала в столовой письмо, извещавшее о том, что **под арестом от тифа умер** ее брат дядя Павлюня<...> [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. (1995)].*

Легко видеть, однако, что во всех такого рода примерах по-прежнему содержится локативная идея – как если бы, говоря более формальным языком, в каждом из них был опущен предикат ‘находиться’: ‘воспитан, находясь под наблюдением’, ‘находясь под наблюдением, выехал’, ‘изучено, так что процесс изучения находился под наблюдением зоолога’, ‘умер, находясь под арестом’. То же для (редких) не вполне стандартных направительных контекстов, ср. в следующем примере употребление глагола движения *выпустить* с поверхностно не выраженной (опущенной) валентностью конечной точки (об обязательности этой валентности см. [Рахилина 1990]):

Была только директива Шелленберга выпустить Шлага под наблюдение Штирлица. [Юлиан Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968)] = ‘в такое место, где он будет находиться под наблюдением Штирлица’

Таким образом, можно констатировать, что и в этом классе употреблений, несмотря на абстрактный характер *У*, *ПОД* остается чисто локативным – правда, локализация происходит в абстрактном пространстве.

II. Временные конструкции

Суммируя все сказанное в разделах (1-4) о прототипических и периферийных употреблениях *ПОД*, подведем итоги: ни в одном из них сама по себе локализация, описывающая область пространства ниже ориентира (*SUB*) – по крайней мере в русском языке, непосредственно никак напрямую не связана с временной зоной.

Тогда встает вопрос о том, откуда берется временной компонент в целом ряде конструкций, построенных на базе *ПОД*, которые можно было бы считать временными. Основными, как уже было сказано, можно считать следующие три:

- *спал под шум дождя*
- *проснулся под утро, ему под сорок*
- *пристройка под бассейн,*

где первая представляет одновременность двух событий (в нашем примере это ‘сон’ и ‘дождь’), вторая – близкую временную окрестность и предшествование (в наших примерах – незадолго до наступления утра или: значимого, рубежного возраста ‘сорок лет’), третья – предназначенность объекта (*пристройка*), отнесенную в будущее (‘со временем в пристройке будет бассейн’).

Важно, что все эти конструкции имеют только аккумулятивный вариант, то есть, теоретически, могут иметь в качестве источника лишь направительные пространственные ПОД-конструкции, как *положить под часы* или *посадить под арест*. Аналогов локативного маркирования (творительным падежом) у них нет. Однако и сама возможность непосредственной связи между пространственными и временными конструкциями вызывает здесь большие сомнения. Наша следующая задача – исследовать такую возможность подробнее.

5. *Спал под шум дождя*: ‘одновременность’

Из всех перечисленных, по своей структуре данная конструкция оказывается ближе всего к прототипической пространственной: она тоже содержит предикат (глагол или отпредикатное имя: *спал / сон под шум дождя*), – правда, обычно непереходный и не позиционный – и (всегда непередметное) имя в контексте ПОД, причем только в аккумулятиве. Глагол в этой временной конструкции допускается почти любой – за исключением тех, которые описывают ненаблюдаемые ситуации, не имеющие зрительных или слуховых коррелятов. К последним относятся эмоциональные, эпистемические, модальные или абстрактные предикаты (в другой терминологии – интерпретационные, ср. (**надеялся / полагал / мстил под шум моря* (Плунгян, Рахилина 1998, Кустова 2004, Апресян 2004)). Но главное отличие временных контекстов в том, что в качестве *У* в обычном случае в них возможны только имена звука, ср. по НКРЯ: *под музыку* (метонимически: *магнитофон, пленку, фонограмму [иначе: фанеру]*), *под аккомпанемент, под грохот канонады, марш, под свист, визг девиц, хохот толпы, шум колес, жужжанье веретена, пение петухов, лай овчарок, причитание баб, под звон колоколов, посуды, рюмок* и под.

Таким образом, чисто внешне структура этой временной конструкции полностью повторяет направительную разновидность пространственной: *положить (попасть) под стекло, под дождь* и с абстрактной локализацией-*У*: *поместить (попасть) под арест*, ср. в некакузативном варианте

	субъект <i>Z</i> существительное	<i>V</i> Глагол	ПОД	<i>У</i> существительное, SG, Acc
пространственная	<i>Сын</i>	<i>попал</i>	<i>под</i>	<i>арест</i>
временная	<i>Дед</i>	<i>уснул</i>	<i>под</i>	<i>шум <дождя></i>

Между тем, с учетом содержательных ограничений, они оказываются очень хорошо противопоставлены:

Конструкции	Пространственная: <i>Поместить (попасть) под арест</i>	Временная: <i>спать под шум дождя</i>
<i>V</i> : синтаксис	Переходный или непереходный с сильной валентностью на конечную точку	скорее, непереходный

V: семантика	Обозначающие положение в пространстве как конечный результат действия или события	Обозначающие ситуации, которые имеют зрительные / слуховые проявления
Y: семантика	Конкретное или абстрактное имя (конкретная или абстрактная локализация)	Абстрактное имя со значением звука

Тем не менее, можно искусственно подобрать такой предикат, параметры которого будут удовлетворять и первому (а), и второму (б) столбцу, ср., например, *направить/направиться* или *отправить/отправиться*:

(а) ^{??} *направиться под свист ветра* / ^{??} *отправить под причитанье баб*

vs.:

(б) *направить/отправить под арест*,

Оба примера (а) выглядят грамматически неправильными. С одной стороны, они не похожи на ближайший по структуре канонический пространственный контекст с абстрактным именем типа (б) – см. ниже (1-2), а с другой, все-таки нарушают существенные условия построения временных звуковых контекстов (3).

(1) Всякая звуковая ситуация (как *свист ветра* или *причитание*) спонтанна, плохо (или вовсе не) контролируема и ввиду этого не может быть агрессивным воздействием – как того требует пространственная конструкция с не-статичным абстрактным именем. Она может иметь адресатного участника (*петь кому*), но не пациентного – в качестве объекта прямого воздействия, влияния и в конечном счете, изменения.

(2) Наоборот, предикатные имена в квази-пространственной конструкции всегда двухместны и всегда содержат пациенс – с которым устанавливается обязательная кореферентность субъекта непереходного глагола или объекта переходного. Этому правилу следуют не только *арест*, *управление*, *подчинение* и под., но и *влияние*, *наблюдение* или *воздействие* – с нестандартным объектным маркированием (*воздействовать / влиять на*, *наблюдать за*), а также предикаты позитивного воздействия, как *обаяние* или *очарование* (ср. *был очарован*, *обаять кого*).

(3) Заметим, что с другой стороны, примеры типа (а) плохо интерпретируются и как временные. Ведь «классический» временной компонент – звук – всегда является сирконстантом по отношению к основной ситуации, а выбранные здесь глаголы имеют обязательный аргумент – конечную локализацию, которая должна, по всем семантическим канонам, переинтерпретироваться как цель – а неконтролируемый звук целью быть не может.

Получается, что омонимичную конструкцию построить нельзя – можно только совместить аргументный и сирконстантный компоненты, как в:

отправиться под Калугу (или: *под арест*) *под причитанье баб*

– и это лучшее доказательство того, что ‘под шум’ представляет самостоятельную конструкцию (со значением одновременности двух событий).

Можно ли, тем не менее, усмотреть в ней какую-то связь с прототипической пространственной? Кажется, да – и прежде всего, за счет семантики звука. Действительно, такая фоновая ситуация, как звук, как мы только что показали, воздействует не на одного конкретного участника, а на окружающую среду в целом. Возможно, именно это свойство позволило отпредикатным именам со значением звучания «встроиться» в исходно пространственную конструкцию с ПОД: шум – это событие как бы покрывающее (как большая поверхность) ситуацию целиком..

Таким образом, получается, что связь с пространственным значением ПОД, и новое, временное значение конструкции обусловлено семантикой звучания у имени *У* – заметим, что семантика одновременности и фоновости по отношению к основной ситуации возникает у таких имен и в контексте других предлогов, в том числе и пространственных, ср.: *в шуме, из-за / от шума, при шуме* и т.д. В то же время, специфика звукового фона такова, что он может восприниматься и как «заглушающий» основное действие, как бы скрывающий его – ср. здесь *казнь под звук моторов, чтобы заглушить выстрелы* (1924), и как организующий его, диктующий ему свой ритм – ср. *танцы под музыку*. Эти две возможности – назовем их условно *пассивным фоном* (А) и *активным фоном* (В), «скрытые» в звуковой конструкции с ПОД и не противопоставленные внутри нее, становятся стимулами для дальнейшего развития семантики этой конструкции – уже за пределами собственно звука, так что мы остановимся на них чуть подробнее.

(А) Идея *пассивного*, все заглушающего фона, хорошо просматривается уже в переносных значениях самой конструкции, ср. метафорическое *под сурдинку*⁹ или *под шумок* в значении ‘тихонько, незаметно, пока никто не обращает внимание, занятые каким-то общим делом (как шумом, «перекрывающим» другие события)’, ср.: *схватил шапку и под шумок ускользнул из квартиры* (Ф.М. Достоевский. 1846).

Есть любопытный частный – и семантически очень узкий – класс расширений этих контекстов, он касается только еды и питья, которые следуют одновременно – как выпивка и закуска, так что *молоко* или *хлеб* для них неестественны, ср. первый по НКРЯ пример такого рода: *Купишь осетра [...] икры <...> подсолишь да с лучком... Да ежели под коньячок ...* (В.Я. Шишков. 1913-1932). В таких контекстах выпивка и закуска могут меняться местами, однако идея, что одно из них (и это, конечно, доминирующий *У*) – главное, как бы «покрываю-

⁹ *Сурдинкой*, ср. фр. *sourdine*, ит. *sordina* от латин. *surdus* со значением ‘глухой’ называли приспособление в виде гребешка, надеваемое на струны, которое, применялось при игре на музыкальных инструментах, когда требуется *приглушить* их звучность.

щее» менее важное другое, которое возникает попутно, «заодно» с первым. В том же контексте застолья стоят и примеры типа *под сигареты и кофе* или *под разговоры, болтовня под вино* – в них часто используется и эвфемистический оборот *под это дело*. По той же модели – и часто с использованием того же оборота – строятся сочетания более широкой семантики ‘заодно с некоторым крупным мероприятием’; они возникают примерно в 80-е годы XX века, ср. из современного газетного корпуса НКРЯ: *под Олимпиаду строят горнолыжные комплексы*.

(В) Активный звуковой фон, как мы уже говорили, до некоторой степени сам организует ту ситуацию, параллельно которой он существует. Если в исходных чисто-звуковых контекстах он может задавать ее общий ритм (как в *под музыку*), в производных влияние должно становиться глубже, но во всех наших примерах хорошо видна их преобладанность от звуковых: идея звукового или зрительного образа Y, доминирующего над «основной» ситуацией X. Ср. прежде всего *писать под диктовку* и, как нам кажется, в том же ряду – *говорить под стенограмму / диктофон*, а также *двигаться под телекамеры* и др. Ср.: [...] *герои материала даже не боялись говорить под диктофон* (2002); *Беседовали под стенограмму о предстоящем полете* (1943-1946); [...] *президент бежит к батумскому пляжу, чтобы под телекамеры умыться черноморской водой* (2005) и др.

Ясно, что во всех этих случаях речь идет о метонимии типа:

‘объект (напр., инструмент, как *диктофон*)’ ↔ ‘процесс, где этот объект задействован’.

Таким образом, опять, как и в звуковой конструкции, имеется в виду два параллельных события: письмо и диктовка, речь и ее запись – на бумагу или другой носитель информации. *Диктовка* определяет *письмо*; точно так же, процесс записи определяет речь или в целом поведение (особенно внешнее) человека. Еще более ясна идея влияния и воздействия в идиоматических контекстах типа *под настроение*: ‘X под влиянием настроения’, ср.: *Письмо было написано под настроение* (2002); *Под настроение может танцевать хоть до утра* (2002); *Под настроение могу послушать и классическую музыку, а вот советскую и российскую эстраду на дух не переношу* (2002).

6. Временная окрестность

Значение пространственной близости – или временной окрестности, возникло и закрепилось, как мы помним из раздела 2, в пространственных контекстах Y с нестандартной топологией – вогнутых приподнятых (как *под крышей*) или вертикальных (как *под стеной*) поверхностей. В первом случае речь идет о приближении к «вертикальному» максимуму, во втором – к «горизонтальному рубежу». Для непространственных контекстов это противопоставление не играет ро-

ли, так что для простоты оба эти «рубежных» значения можно рассматривать как единое – ввиду последующих семантических сдвигов.

В современном русском языке «рубежное» значение уже расширилось, абстрагировавшись от своего пространственного источника и дало два варианта сдвигов в темпоральную зону: конструкцию возраста (6.1) и конструкцию обстоятельств времени (6.2).

6.1. Конструкция возраста

Эту конструкцию удобно рассматривать в контексте более широкого семантического сдвига: дело в том, что «рубежный» вариант конструкции с ПОД обслуживает зону параметров. Действительно, в контексте любого параметрического имени можно с его помощью задать приблизительную оценку размера (*под 2 метра ростом, прошел пешком под сотню километров*), скорости (*под 200 км / час*), веса (*под 100 пудов*), напряжения (*под 20 ампер*), объема файлов (*под 20 Мб*), мощности (*под 20 ватт пиковой мощности*) и т.д. – и в том числе такого временного параметра, как возраст (*ей под 30*). В этом смысле никакого особого перехода из зоны пространства в зону времени «возрастные» контексты не представляют: в целом у всех параметров в этой конструкции общие свойства.

Первое – это «пограничность», «рубежность» самого параметрического значения, которая восходит к пространственному «рубежу» или «границе». Поэтому в качестве *Y* годятся только маркированные, круглые значения: скорость может быть *под 200 км*, но не *под 221*, возраст *под 50*, но не *под 53*.

Второе – это идея *приближения* к значению *Y* как к максимуму – ведь исходной является только направительная (а не чисто локативная) конструкция – с винительным падежом. Таким образом, значение параметров описывается не вообще как приблизительное, находящееся в близкой окрестности *Y*, а как чуть-чуть не достигшее максимального.

Отсюда третье – малые, хоть и круглые значения в таких контекстах невозможны: не говорят ни **скорость машины под 10 км*, ни **рост под 100 см*, ни *<возраст> под 10 лет* и др. По той же причине в соответствующих ситуациях недопустимо употребление лексемы *еще*, семантика которой входит в противоречие с идеей максимума. Это замечание сделано в Труб 1997 по поводу *<человеческого> возраста (*ему еще под 30 / 40...)*, для которого носитель параметра уже определен, в отличие от, скажем, скорости или температуры, максимум не будет относительным, ср. разные максимумы для скорости пешехода и поезда, температуры человеческого тела и доменной печи.

И наконец, четвертое: как правило, параметры, перевалившие за максимум, могут описываться – тоже как приблизительные, но, так сказать, с другой точки зрения – аккузативной конструкцией с пред-

логом *за* – скорость *за 200*, *возраст – за 90* и т.д. Источником служит пространственная ситуация преодоления границы и локализации в ближней окрестности *У* с наблюдателем «по ту сторону», ср.: *под стеной vs. за стеной*.

Таким образом, в контексте ПОД параметры демонстрируют единство, которое обеспечено преемственностью по отношению к исходной, пространственной конструкции. Но именно поведение возраста как параметра имеет свои особенности, а именно, следующие.

Во-первых, обратим внимание, что при *под* как маркере количественной неопределенности обычно указан сам параметр – что именно измеряется (в нашем случае – приблизительно), т.е. присутствуют слова типа *скорость, мощность, объем, срок* и под. Без непосредственно выраженного при ПОД параметра такого рода употребления практически невозможны, ср.: **съел под пуд сена, *работал на одном месте под 30 лет, ??разогрелся под 200 градусов* и под. Однако возраст, в отличие от других параметров, как раз наоборот, практически никогда поверхностно не выражен, ср.: *ростом под метр восемьдесят, со скоростью 500 км в час* – но **возрастом / с возрастом под 70 лет*.

Более того (и это – во-вторых), легко опустить и единицы измерения возраста – мы легко говорим *ему под 30, 40, 90* – при том, что при других параметрах единицы измерения практически всегда присутствуют

Именно в возрастной конструкции недопустимо употребление лексемы *еще*, семантика которой входит в противоречие с идее максимума (Труб 1997): **ему еще под 30 / 40...*, поскольку они описывают именно человеческий возраст (но не собачий, кошачий, возраст дуба или другого дерева), а значит носитель параметра для них заранее определен, в отличие от, скажем, скорости или температуры, где максимум не будет относительным, ср. разные максимумы для скорости пешехода и поезда, температуры человеческого тела и доменной печи.

Наконец, в-третьих: сочетание с ПОД, обозначающее возраст, реализующее идею близкой окрестности (как и симметричное ему – с ЗА), легко встраивается в предикативную конструкцию с субъектом в дательном падеже: *ему под 80 / за 80* как: *ему тяжело, холодно, больно* и под., отличную по своей структуре от обычной параметрической и воспроизводящую ту конструкцию, которая в русском языке описывает возраст вообще, ср.: *Севе пять лет*.

Все это – разные лингвистические свидетельства высокой антропоцентричности возраста как параметра. Возрастные значения затрагивают субъект так же, как физические и физиологические состояния (а также эмоции *ему противно, все равно ...*), и поэтому легко приравниваются к предикативам и маркируют вовлеченность субъекта нестандартным для других параметров дательным. А поскольку в этой конструкции возраст – единственное состояние, измеряемое

численно, то и выражение параметра, и выражение единиц его измерения оказывается избыточным.

Кроме того, из всего сказанного следует, что набор значений параметра <человеческого> возраста (опять-таки в отличие от произвольного параметра) должен быть очень ограничен – ввиду ограниченности человеческой жизни: это круглые числа первой сотни. Минимальным в этом ряду является, по нашим наблюдениям, 20 лет, но для того, чтобы этот возраст выглядел убедительно – т.е. воспринимался как возраст взрослого, пожившего уже человека, нужен специальный контекст, который формирует такой локальный (для данной ситуации) возрастной максимум, ср. возраст, максимальный для замужества / женитьбы, учения, телесных наказаний, etc.:

- *Из всей семьи Родион Потапыч любил только младшую дочь Федосью, которой уже было под двадцать, что по-балчуговски считалось уже девичьей старостью: как стукнет двадцать годков, так и перестарок.* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)]

- *Ему под двадцать лет, да еще вдобавок он и офицер; как же могут мои люди его сечь?* [Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877-1880)]

- *В четырнадцать лет вообще привел домой женщину лет под двадцать, провел в свою комнату.* [Людмила Петрушевская. Шато (1997)]¹⁰

Понятно, что примеров на 20 как возрастной максимум немного и они не являются оценкой максимума по абсолютной возрастной шкале. Но и с остальными значениями картина не так проста, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что они распределены неравномерно. В упрощенном и достаточно суженном варианте поиска по корпусу (*лет под Y* [прописью или числительным]), без учета расстояний и инвертированного порядка слов, соотношение (которое, тем не менее, примерно отражает более общее распределение) оказывается следующим:

возраст	30	40	50	60	70	80	90	100
Число примеров по НКРЯ	48	88	51	30	13	4	5	4

Как видим, максимальное число употреблений и приходится вовсе не на абсолютный максимум возраста или ближайšie к нему значения (100, 90, 80...), а на средние (в нашем случае, 40), и это свидетельствует о том, что не только для 20 лет, но и для остальных возрастных значений в узусе идея максимума связана с конкретной

¹⁰ Любопытно, что встретился один пример на «круглый» возраст с некруглым числом лет, и это 25: *Молодой парень, лет что-нибудь под двадцать пять.* [...] *Молодость – это первое, чем веяло от Тегнеряднова.* (Д.А. Фурманов).

прагматической ситуацией, относительно которой он и выбирается. В основном эти ситуации известны и фиксированы в нашей культуре и касаются опять-таки прежде всего замужества-женитьбы, рождения детей, работы, проблем со здоровьем т.д. Поэтому возрастной «максимум» и начинается так рано: пороговым значением для всех этих прагматических «рубежей» как раз и оказывается в жизни человека возраст вокруг 40 лет.

6.2. Конструкция обстоятельств времени

Временная окрестность реализуется в русском языке и за пределами значений возраста, как обычное обстоятельство времени – понятно, что из всех рассматриваемых контекстов с ПОД такая конструкция имеет самую прозрачную соотнесенность с временной зоной. Прямая связь с временной областью возникает благодаря семантике имени *У*, которое обозначает уже не численное значение, а просто некоторый период времени (*под утро, вечер, под старость*, а также: *под неделю 17-ю по Пятидесятнице, под неделю 4-ю по Пасхе* и метонимически *под конец, под занавес, под закат перестройки*) или некоторую выделенную точку на временной оси (*под День Победы*). Существенно, что на выбор таких периодов и точек есть строгие ограничения, достаточно жестко лексикализованные, ср. недопустимость **под столетие* или **под месяц* (ни одного примера в НКРЯ) и крайнюю сомнительность ?? *под день*, – но они не случайны и следуют в общем тем же принципам, которые мы только что изложили применительно к параметрическим контекстам.

Действительно, поскольку и здесь фрагмент с *под* здесь имеет значение ‘в период, приближающийся к *У*, но не переходящий в него’, то *У* служит своеобразным рубежом, который, однако, не преодолевается. Именно поэтому *У* «выбирает» здесь не любые, а только «рубежные» точки и отрезки, прежде всего, *утро* или *вечер*. *Утро* воспринимается как граница ночи и дня, ср.: *под утро столбик термометра сполз до отметки -32 градуса*, а *вечер* – как граница дня и ночи, ср.: *На станцию Кострово поезд пришел под вечер*). Таким образом, сами *день* или *ночь*, поскольку границами они не являются, в конструкции с ПОД не используются: ?? *под день / под ночь*. Но если «превратить» их из периода времени в значимые, «рубежные» точки на временной оси, такие контексты станут совершенно приемлемыми, ср.: *под День строителя, под годовщину свадьбы; в ночь под Рождество / Ивана Купалу* и др. Точно так же устроено противопоставление дней недели: **под среду / *четверг... / под будни VS под воскресенье / под выходные* (см. Крейдлин 1997, 149; о лингвистической асимметрии праздников и буден см. еще Haspelmath 1997, 115).

Замечание. Отсюда – развитие особого временного значения у наречия *подчас*, которое в старом варианте имело раздельное написание *под час*, ср. контексты XVIII-XIX века с определениями: *под час досуга* (Капнист), *под час*

веселый (Гнедич), *под час иной* (Полежаев). Поскольку, по условиям нашей конструкции, как мы видим, это не мог быть любой час, а только особый, то отсутствие определения в *под час* или *подчас*, т.е. «умолчание», означает 'некоторый выделенный час' – или, в его более архаичном значении, 'выделенный момент времени', ср. *час разлуки* как 'момент разлуки'. Это значение и стало источником для результирующей семантики временной дистрибутивности (= 'иногда'), свойственной этому наречию в современном языке.

Таким образом, данная конструкция может служить своеобразным маркером на релевантные, исторически закрепленные в русской лексике временные «границы», которых оказывается не так много. Дело в том, что, вслед за пространственной моделью, такие границы должны служить потенциальным пределом уже начавшегося поступательного движения, а значит они должны интерпретироваться как *конечные*, а не начальные области временного пространства. Ср. здесь Крейдлин 1997: 149, и в особенности Зализняк, Шмелев 1997: 234-236¹¹. Поэтому в этом контексте так частотна *старость* – как рубеж между жизнью и смертью (355 вхождений в НКРЯ, ср.: *под старость мне срамиться уж поздно*), а также *конец*, и в том же значении *заванес*, *закат* – т.е. конечные, но не стартовые точки процессов: **под молодость, юность, *под начало, старт*. Отсюда следует, что суточный временной цикл с языковой точки зрения в данном случае «выглядит» так, что обе промежуточные границы (*утро* и *вечер*) могут представляться как *завершающие* соответствующие периоды (соответственно, *ночь* и *день*).

Годовой цикл не полностью симметричен суточному (то же замечает М. Хаспельмат – на другом языковом материале, см. Haspelmath 1997, 110-114) – если судить по сочетаемости с *под*: в нем хорошо выделяется *осень* как сезон-граница, или рубеж, ср. из И.А. Бунина: *А поздней, когда, под осень, Пожелтел созревший маис* (Песня о Гайавате, 1908) – и *лето* как сезон-период: сочетаний **под лето* в корпусе не встречается. Правда, окказиональные примеры есть в интернете – видно, что легче всего лето переосмысливается как релевантная временная граница для студентов: между учебным годом или каникулами или музыкантов, у которых летом наступает период «страды»:

- *под лето становится тяжелее [успевать все], так как интересных концертов невпроворот* (Яндекс).

Весна менее характерна, но все-таки возможна в «рубежном» значении – в так называемой «деревенской» прозе, ориентированной на сельскохозяйственный цикл, ср. характерный пример из Валентина Распутина:

¹¹ В частности, в статье Зализняк, Шмелев 1997, 235 отмечается, что *под утро* «может локализовать события и процессы (*Гости разошлись / расходились под утро*), но не состояния (поскольку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать **Под утро он был мрачен* (надо – стал или сделался)».

• *А потом, под весну, и просить нечего. – Че ты мне опять про корову? Ты-то, христовенькая, че делать будешь, как сгонют нас отсель?*

В таком случае, *зима* могла бы быть «нерубежным» периодом, но ее лингвистическое поведение крайне нестандартно и любопытно.

Во-первых, сочетаний *под зиму* в корпусе относительно много (30). В принципе, ничего необычного в этом можно было бы и не усматривать: *зима* – «мертвое» время, которое можно интерпретировать как границу, конец «жизненного» цикла природы – аналог ночи или смерти. Эта романтическая модель отчетливо просматривается в цитате из Анненского (впрочем, единственной в поэтическом корпусе):

• *Так что ж под зиму [‘ = перед зимой’], как листья, Дрожишь, о сердце, ты...* [И. Ф. Анненский. «Развившись, волос поредел...» (1880-1909)]

Однако большинство примеров прозаического корпуса устроено иначе и, надо сказать, с точки зрения лингвистической теории, не вполне тривиально, ср.:

• *Ещё приезжали на выходные в сентябре, сгребали листву, копали под зиму грядки, обрезали смородину <...>* [Алексей Варламов. Купавна. 2000]

или:

На прощанье Чиграшов перекапывал Татьяне Густавовне огород под зиму и с несколькими банками домашних солений отбывал восвояси — до следующего сентября. [Сергей Гандлевский. НРЗБ. 2002]

Ясно, что сентябрь – это еще не преддверие зимы, и следовательно, значение этого и ему подобных предложений иное. На наш взгляд, оно обусловлено метонимической связью *зимы* как периода времени и *снега* как ее обязательного атрибута. Для *снега* как покрытия предлог *под* естествен, и в «сельскохозяйственных» контекстах, описывающих полив, посадку растений, посев семян или копку грядок – с расчетом на то, что через недолгое время они будут покрыты снегом (*уйдут под снег*) – этот предлог переносится на зиму как ‘время, когда лежит снег’, ср.:

• *Ведь один бес, каждое лето покос в лесу остается, трава под снег уходит.* [Василий Белов. Привычное дело (1967)]

По имеющимся данным, под зиму почва уходит с дефицитом влаги до 160 мм [1-3]. («Лесное хозяйство», 2004).

Конечно, есть контексты, для которых возможно как метонимическое, так и чисто временное понимание, ср. в особенности с глаголом *сеять*: *А осенью собрали семена и посеяли их под зиму* (= ‘ближе к зиме’ / ‘под снег’) *на грядки.* («Юный натуралист») или: *решили больше не экспериментировать с опылением пшеницы, посеянных под зиму.* (Владимир Дудинцев)¹². В то же время, в примерах на *под зиму* практиче-

¹² Ср. в том же ряду термин *подзимний сев*, который, судя по определению, представляет и метонимическую (*зима* как *снег*), и временную (‘сев незадолго до наступления зимы’) интерпретацию: «Семена под зиму высевают перед наступле-

ски не встречается предикатов, допускающих сугубо временное прочтение, ср. контексты такого рода для *под осень*: *Помните, как в прошлом году я под осень / * под зиму гостила у вас [...]* (Мельников-Печерский); *Дьякон застрелился под осень / ?? под зиму.* (Борис Екимов).

Интересно, что (благодаря А. Макаровой), в нашей выборке оказался пример, представляющий еще одну возможность интерпретации *под зиму*:

За окном пошел снег, да такой крупный, что через некоторое время прогнал с улиц осень и обустроил город под зиму. [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)], Речь идет о целевом, а не чисто временном контексте (= 'обустроил город под условия, которые возникнут <в будущем> при наступлении зимы') – прототипически такая конструкции имеет в качестве Y артефакт – к рассказу о ней мы переходим в следующем разделе.

7. Предназначенность и перспективность: пристройка *под бассейн*

Эта группа употреблений ПОД и эта группа значений самая сложная в том отношении, что для таких случаев пространственное ПОД не дает никакого ясного исходного коррелята. Действительно, в качестве семантического источника тут не годится ни прототипическая пространственная интерпретация с идеей доминации (*под крышкой*), на которую, как мы показали, опираются контексты со значением одновременности (*под шум*), ни значения, представленные в классе со смещенными топологическими характеристиками, порождающие, как мы видели, темпоральные контексты с «рубежным» значением, ни функциональные контексты с семантикой 'укрытия-охраны' или 'агрессии-воздействия': ни один из этих классов никак не связан с идеей перспективности. Никакого простого, непосредственного пути развития тут нет – но можно строить гипотезы.

Наша гипотеза состоит в том, что данное значение восходит к более сложной, двойной конструкции, где предлог дублирован приставкой, т.е. конструкции вида:

ПОД-	V	X	ПОД	Y
<i>Под-</i>	<i>ставит</i>	<i>[дощечку]</i>	<i>под</i>	<i>горячее</i>

Хорошо известно, что у приставки ПОД-, формально дублирующей предлог в этом случае, как раз есть «нужное» нам значение – а именно, значение, которое можно было бы описать как 'изменение объекта в соответствии с его предназначением' – хорошей его иллюстрацией является глагол *подготовить* (см. Плунгян 2001). Понятно, что такая семантика как раз связана с перспективностью очень тесно. Между тем двойная конструкция «добавляет» к этому предназначению Y, в соответствии с которым происходит изменение исходного объ-

нием устойчивых морозов при температуре воздуха +2... + 30 С; в средней полосе – во второй половине октября – начале ноября».

екта (X). Оно вводится предлогом ПОД и поэтому является не просто целью (ср. *подготовиться к походу*), а, в соответствии с семантикой предлога, доминантой всего процесса преобразования. В предельном случае это значит, что Y становится для X эталоном, с которым он стремится как можно точнее совпасть (ср. *подделывать / подделка под старину*). В более слабом варианте Y задает набор параметров, необходимых для его будущего изменения X (ср.: *подстраиваться под <его> настроение*, а также: *подогнать под русский вкус* (Мамин-Сибиряк 1883) или *<...> не подходит под сие правило* (Новиков 1775) и мн. др.

Интересно, что в русском языке оба эти варианта семантического развития реализованы и востребованы (нам важно и то, что они покрывают все остальные, не рассмотренные пока употребления ПОД). Соответствующие конструкции очень продуктивны, широко используются и порождаются – в частности, в устной речи. Ввиду устойчивости их семантики (особенно в номинализованных контекстах, см. подробнее ниже) в новых массовых употреблениях, приставка стала избыточной – тогда как семантическая модель, представляющая для нас «главную ценность», сохранилась и соответствующее значение закрепились за предложной конструкцией как таковой.

Итак, если принять, что каждый из обозначенных векторов семантического развития породил свою собственную конструкцию, то первую из них можно описать как «имитационную», а вторую – как конструкцию с временным компонентом и перспективным значением – она будет интересовать нас прежде всего (см. 7.2), однако чтобы картина была более полной, мы коротко рассмотрим и группу значений, связанных с имитацией (7.1).

7.1. Имитационная конструкция с ПОД

Эту конструкцию иллюстрируют сочетания: *петь под Высоцкого, косить под психа, рассказы под Чехова, покрытие под траву, под мрамор, под цвет обоев* и др., наглядно представляющие имитационную семантику, которую можно прямо связывать с таким ярким представителем «двойных» (с дублированием приставкой предлога), как глагол *подделываться под*. Согласно НКРЯ, раньше характерными для него аргументами, вводящими цель (Y) как образец для подражания или эталон, были прежде всего наиболее яркие характеристики человека: голос, вкус, манеры, стиль письма – и метонимически лицо, ими обладающее: *подделываться под тон приятелей своих* (Н.А. Львов (1789-1797), *подделываться под купца или мещанина* (М.А. Алданов (1932); ср. также *подделка под: жбан для жженки из чистого серебра, подделка под ведро!* (А.И. Эртель 1889), *«Скифы» – грубая подделка под Пушкина* (И.А. Бунин 1949). Ср. также со зрительным образом известного персонажа: *бородка под Ленина, фуражка под Жириновского*. У этой конструкции есть и «нарицательный» вариант – для артефактов, созданных по образцу, ср. в именном варианте: *покрытие под траву*,

стрижка под бобр. Высокую релевантность этой конструкции для более древнего состояния русского языка доказывает то, что в современном русском сохранилось несколько застывших фразем, построенных по тому же образцу, ср.: <подходит> *под цвет*, а также: *под стать / под силу*.

Замечание. Особый случай – наречие *подряд*¹³, построенное, видимо, по той же модели ‘ПОДХОДИТЬ ПОД РЯД’, но в современном русском языке имеющее преимущественно временное значение – имедиатного следования: *подряд показывает все картинки*, или (в контексте временных отрезков) непрерывности: *пятнадцать минут подряд*, ср. здесь: *несколько поколений подряд* со значением, которое можно считать промежуточным между следованием и непрерывностью. Позже, из временного значения развивается квантификативное – в кванторном контексте *все подряд*. Это значение полного охвата, как в: *знакомиться со всеми подряд* (первый пример в НКРЯ из Л.Толстого [1863]: *читал все подряд*).

Такое временное значение представляет собой метонимию, причем источником смежности пространственного и временного аспектов является не локативная конструкция с *под*. Ср. тот же метонимический эффект в сочетаниях со сходной семантикой, но в контексте других локализаций (соответственно, ‘в’, ‘на’ и ‘к’): англ. *in a row*, норв. *på rad*, нем. *der Reihe nach*. Между тем имя со значением ‘ряд’ как раз имеет отношение одновременно и к пространству, и к времени: оно выражает идею определенной конфигурации множества объектов, т.е. способа их расположения в пространстве, но сама эта конфигурация такова, что предоставляет возможность наблюдать участников такого множества как бы появляющихся одного (сразу) за другим, как последовательный, но непрерывный процесс. (Похожий метонимический эффект свойствен имени со значением ‘шаг’, которое в языках может пониматься как квант пространства и / или времени, как русск. *на каждом шагу*).

Обратим внимание, что свою «врожденную» способность к метонимическому переносу русское *ряд* реализует вовсе не во всех производных наречиях. Так, апеллирующие к статичным локализациям как источникам, *рядом с* и *в ряду* остаются исключительно пространственными. Зато *наряду с* развивает значение функционального равноправия, в некоторых контекстах близкое к одновременности, ср.: <...> *наряду с дурацкими пропагандистскими фильмами время от времени выходили и альтернативные картины*. (Алексей Балабанов). Исходно направительные локативные конструкции, как наше *подряд*, а также его устаревший к сегодняшнему дню вариант *кряду* реализуют, как мы видели, временное значение имедиатной последовательности¹⁴. То же значение имеет и другое устаревшее наречие – *сряду*¹⁵. Оно

¹³ В некоторых старых текстах возможно раздельное написание: [...] *два выстрела под ряд попали во французский корабль*. («Исторический вестник», 1898)

¹⁴ Согласно НКРЯ, для обоих этих наречий первые употребления такого рода датируются началом XIX в., ср.: *несколько дней подряд получал* (А. В. Никитенко. Дневник. (1826-1855), *несколько часов к ряду с мужеством оные защищавшие* (К.Ф. Толь, 1812), *прикинуты несколько раз кряду Дмитрием...* (О. И. Сенковский, 1832); частотность их отличается примерно в 10 раз – 4198 употреблений для *подряд* против 388 для *кряду*. В более точно отражающем современное состояние газетном корпусе разрыв чуть больше: 6410 к 506. При этом оба наречия сочетаются преимущественно со стандартными отрезками времени (*вечер, сутки, год* и под.). Если смотреть, что происходит за пределами этого класса имен, то оказывается, что *кряду* «оккупирован» спортивными журналистами: про матчи, спортивные встречи,

восходит к аблативной конструкции – но видимо, в посессивном, а не пространственном¹⁶ значении ‘принадлежащий ряду’ – и в этом смысле представляет параллельное развитие с итальянским *di fila* (букв. ‘принадлежащий линии’ < лат. *de* с аблативным значением, утраченным в итальянском).

7.2. Проспективные конструкции

Конечно, сама по себе ‘предназначенность’ как семантический признак не так прямо связана с временной зоной, как, например, временная окрестность. Однако в качестве необходимого компонента она содержит идею будущего: именно в будущем объект *X* будет обладать заданными свойствами. Совокупность этих свойств в нашем случае выражает *Y*, который стоит в Асс и вводится в соответствующую конструкцию предлогом *под*. Роль предиката в этом случае второстепенна, и как кажется, в качестве исходной удобнее всего здесь рассматривать отпредикатную пространственную именную конструкцию типа: *подставка под горячее, подкладка под простыню, подложка под пленку, подстежка под шубу, подстилка под спину*.

Это номинализованная конструкция вида *X* ПОД *Y*_{Асс}, выражающая идею, которую можно было бы сформулировать как «пространственное предназначение»: один объект (*X*) предназначен для того, чтобы находиться под другим (*Y*). *X* – мобильный объект (фигура), а *Y* – основной, доминирующий (фон). *X* несамостоятельный, он называет такую вещь, которая не функционирует сама по себе, а только в паре с *Y* – другими словами и в другой терминологии, он является дополнителем до *Y*-а (подробнее об отношении, которое мы называем отношением «дополнительности» см. Рахилина 2000, см. также раздел 3 настоящей статьи). Вспомогательный статус *X* иконично выражен в словообразовательной модели, по которой строится его деривация: он образуется приставкой *под-*, дублирующей предлог, от позиционных глаголов или глаголов каузации позиции; аккузативное именное управление (со стандартной семантикой конечной точки / цели) реализует идею предназначения, а поскольку предикат позиционный, обязательный <предметный> аргумент при нем (*Y*) задает ориентир для позиции, которая одновременно является предназначением *X*.

геймы, очки, а также победы и поражения говорят не *подряд*, а *кряду*. Зато про все остальное – например, выборы губернатора – скажут более нейтральное *подряд*, ср.: *человек, трижды подряд избравшийся градоначальником*.

¹⁵ По-видимому, оно употреблялось раньше *подряд* и *кряду*, ср.: *Колено ваше кесарей дало вам сряду четырех тиранов [...] [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777)]* и было распространено: в основном корпусе мы находим 921 употребление, но в современных текстах их практически нет, или это стилизация – показательно, что газетный корпус вовсе не дает вхождений этого наречия.

¹⁶ Исходно пространственное значение имеет другой фразеологизм: *из ряда вон [выходящий]*, но он развивает оценочное значение по той же модели, что и англ. *outstanding*, ср. также *изрядный* в значении ‘большого размера/количества’.

Как видим, в самом устройстве именной конструкции уже есть компонент предназначенности, который, как мы говорили в начале этого раздела, присущ и приставочному ПОД-. Поэтому интересующие нас сочетания типа *пристройка под бассейн, грядки под огурцы* – хотя и не содержат приставки ПОД-, в целом устроены так же. Принципиальная разница в том, что в их составе выступают не пара дополнители и его коррелят, отношения между которыми заранее заданы и установлены (так что X уже выполняет предназначающуюся ему пространственную функцию при Y), а независимые объекты. В таком случае предназначение X – окказиональное, оно еще не реализовано и реализуется только в будущем: сейчас пристройка еще не используется как бассейн, а грядки – как место, где растут огурцы). Отсюда идея перспективной временной дистанции, она возникает не из семантики ПОД, а, как видим, из сложного взаимодействия смыслов внутри конструкции.

Для независимых объектов не важно взаимное пространственное расположение, и в результате пространственный компонент может пропадать полностью, так что остается только функциональный. Отсюда широкие возможности в этой конструкции отглагольных имен, прежде всего, в качестве Y, который и задает множество (новых) свойств, а значит, по своей природе интенционален (нереферентен), ср.: *площади под выравнивание, застройку, основа под макияж*, а также *экономическое обоснование под укрупнение, мощности под выполнение* и др. Функциональность проявляется и в том, что даже и в тех случаях, когда Y предметно, семантика конструкции в целом требует реконструкции предиката, который описывает обычный или окказиональный способ использования Y, а не его пространственного расположения, ср. вполне стандартное: *отдать крестьянам землю в аренду под лен* = ‘для выращивания льна’, очень окказиональное: *корову продал под мясо* = ‘для изготовления мясных продуктов’, ср. также:

О взятии под артиллерию [= ‘для нужд артиллерии’] в Смоленск с 179 дворов по 2 лошади; с приморских городов брать деньгами. [А.С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835-1836)]

Очевидные «остатки пространственности» сохраняются только в парах контейнер (X) – содержимое (Y), которые, в сущности, очень близки к дополнителям, потому что члены таких пар не независимы, в том числе и пространственно: контейнер-артефакт предназначен, чтобы в нем находилось и хранилось (здесь функциональность и пространственность сходятся, как и у других дополнителей) некоторое содержимое. Но и временная составляющая в них присутствует: на момент речи контейнер пуст, его наполнение – дело будущего, ср. *кади под капусту VS огурцы / грибы / яблоки...* ‘кадушки, которые предназначены для соления [= в которых будет находиться] капуста, огурцы...’, и даже неожиданное: *срубы под рассаду* ‘в которых будет находиться [= выращиваться] рассада’ (Мельников-Печерский 1871).

Ясно, что существо описываемой конструкции – в ее прототипическом варианте – состоит в создании нового или переориентации свойств уже имеющегося объекта *X* для удовлетворения условиям *Y* новой будущей ситуации его использования. Таким образом, *Y* должен напрямую или метонимически выражать некоторый нереферентный объект или ситуацию – и, как мы убедились, подавляющее большинство примеров на эту конструкцию так и устроено. Даже в тех случаях, когда поверхностно в качестве *Y* выступает имя собственное, ср. *конституция под Путина*, речь идет о его интенциональной интерпретации: *Путин* как множество свойств или требований, которым должна будет удовлетворять новая, измененная (*под Путина*) конституция.

Примеры похожих на интересующие нас контексты встречаются уже в начале XVIII века, ср. из В.Н. Татищева (1739-1750): *об отмерении земли под монастырь воловьёю кожею*; о востребованности и продуктивности такой именной конструкции в сегодняшнем узусе свидетельствует не только количество употреблений в корпусе, но и ее очевидно повышающаяся со временем «степень влияния»: в последнее время несколько русских приставочных глаголов со значением преобразования или перестройки объекта «научились» управлять *под*, заменяя на него свои «родные» пространственные предлоги – и воспроизводя условия употребления нашей конструкции – прежде всего, перспективность и связанную с ним нереферентность *Y*.

Относительно давно это произошло с глаголом *приспособить*. Его старое управление – предлогом *к*, ср.: *весьма удачно приспособлен к климату* (В.М. Головнин. 1822) еще сохранилось до сих пор, но уже в начале XX века параллельно с ним использовался и предлог *под*: *верх флигеля был приспособлен под жилье* (В.Я. Брюсов. 1915). С рефлексивной формой *приспособиться* это произошло много позже: примеры такого управления нашлись только в корпусе газет последних лет, ср.:

приспособиться под новые правила НХЛ (2006), пришли люди, которые приспособились под Киев (2006) и под. Ср. также подстраиваться и перестраиваться под: Волей-неволей перестроишься под нужный ритм (2006), прогибаться под: не нужно прогибаться под изменчивый мир, а также заточено под отпуск¹⁷.

¹⁷ Ср. в этом же ряду и совсем недавно (примерно в 70-е годы XX в.) появившееся выражение *под ключ*, ср. прежде всего *сдать* или *построить под ключ*, т.е. провести строительные и ремонтные работы, ориентируясь на пользователя – или, переносно, <на таком высоком уровне>, чтобы можно было бы хозяину такой постройки просто вручить ключ. Заметим, что его частотность по современному газетному корпусу составляет 2 WPM – это довольно высокая цифра. Между тем раньше это сочетание интерпретировалось только пространственно и встречалось в контекстах типа: *спрятал потаенный дневник под ключ*.

8. Ретроспективность: залог и заклад

В то же время, в русском языке существует – и даже, как мы увидим, в небольших пределах развивается – конструкция, условия употребления которой совершенно обратны только что описанным. Рассматривая ее как пару к предыдущей, мы как бы ставим естественно-языковой эксперимент, отвечая на вопрос, что было бы, если бы вдруг оказалось, что *Y* теряет свойство интенциональности, т.е. он известен и определен – другими словами, конкретнореферентен.

Надо сразу сказать, что в условиях русского языка такой «эксперимент» был поставлен в довольно узких рамках: прототипически речь идет только о ситуации займа. В ней семантика имени *X* ограничена «денежными» значениями (*деньги, кредиты, выплаты*, etc.), сама ситуация (и соответственно, предикаты, которые выражены поверхностно или опущены и восстанавливаются) описывает передачу денег, а *Y* является тем имуществом или ценностями, которые служат гарантией погашения займа. Такое имущество принято называть *залог* или *заклад*, и оно может не конкретизироваться в тексте, но ясно, что в таком случае *Y* всегда описывает некоторый существующий известный и как правило, дискретный объект: даже если сказано *под залог серебра* имеется в виду конкретный набор ложек и вилок, или украшений, или серебряных слитков и др. под., ср.:

Алексей объявил ему, что намерен дать Поповой денег (*X*) под заклад вещей (*Y*). [Максим Горький. Дело Артамоновых (1924-1925)],

а также:

предоставление кредитов под заклад имущества (1992), получить кредит в банке под залог транспортного средства (2004), владельцам под залог акций выдается кредит (2004)

и метафорическое:

Если по совести говорить, то свою голову под заклад профессиональной чистоты Понтяги я бы не дал. [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]

Итак, *Y* референтен – замечательно, что идея проспективности тут же исчезает. Действительно, во всех приведенных примерах сначала возникает *Y*-заклад, и только потом выдаются деньги-кредит *X*. Таким образом, временное соотношение между *X* и *Y* оказывается, наоборот, ретроспективным. Вот для сравнения ясный пример проспективного контекста (с интенциональным *Y*) и более сложный, с ретроспективностью и референтным *X*:

Правовые акты отражали ситуативные потребности, издавались под решение какой-либо конкретной организационно-финансовой проблемы (выделение помещений, ссуд, списание кредитов). [Поиск продолжается (2001)]

Начало года было посвящено поискам денег для доведения постройки до конца. По расчетам мне нужно было добыть еще не менее 8000 рублей. Я обращался, лично и через Березовского, к разным лицам, но ни-

кто не давал денег под дом, строящийся на арендованной земле. <...> Наконец <...> она согласилась отдать их мне под залог дома и, сверх того, при поручительстве Березовского. [А.Ф. Редигер. История моей жизни (1918)]

Из первого примера ясно, что сначала издавался правовой акт – и он был нацелен на будущее – решение проблемы, которая в тот момент еще не была решена. Из второго примера следует, что поиск денег происходил под залог дома – а не просто под его строительство. То есть уже недостроенный дом воспринимался (по крайней мере кредитором) как конкретно-референтное имущество, «после» которого можно дать деньги на строительство.

Понятно, что интенциональность Y и перспективность связаны напрямую.

Тогда возникает вопрос, может ли семантика X , а не только Y влиять на временную составляющую – другими словами, возможен ли «денежный» контекст с перспективностью. Положительный ответ означал бы существование многозначных примеров, в которых Y может пониматься или как залог возврата денег, или просто как цель их вложения. Найти такой пример оказалось очень сложно – и причина здесь экстралингвистическая: «денежные» контексты перспективность, в общем, исключают: всякий кредитор рассчитывает вернуть деньги, а значит, простая перспективность его, из общих соображений, не должна устроить. Ср., однако следующую цитату, где речь идет не о деньгах как таковых, а об инвестициях, т.е. деньгах, которые (по определению) должны вернуться: в ней соединились «денежный» контекст, интенциональность и перспективность.

Два года назад Михалков-Кончаловский [...] поведал журналистам, что намерен разводить породистый скот по голландской технологии и выращивать картофель. Знаменитый режиссер обещал под это дело раздобыть инвестиций на 2,5 млн. долларов да еще закупить импортного скота на 3 млн. Однако годы идут, а [...] калужские поля зарастают бурьяном ... [Труд-7, 2007.08.18]

Теперь обратим внимание на возможные расширения ретроспективной конструкции. Залогом может служить не только имущество, но и честное слово, доброе имя (*кредиты под Ходорковского*) или гарантийное письмо, расписка (*Она у меня таким же манером десять рублей выцыганила. Под расписку.* – И. Грекова) ср. также запись:

В тот же день на животноводческой ферме мне жаловалась телятница: – Взяла молока, колбасы **под запись**. Осталась еще должна. [Борис Екимов. Возле старых могил // «Новый Мир», 1998]

В последнем случае имеется в виду запись (наверное, в специальной книге) о взятых продуктах – в счет оплаты за сделанную работу.

Таким образом, целью или объектом залога здесь оказывается выдача на руки уже не денежных средств, а еды. Возможны и другие варианты объекта: ценное письмо, посылка или другой груз – и даже

доставленный человек – который в этом случае обычно находится под арестом (ведь по условиям ситуации он не должен быть самостоятельным, будучи просто «ценным объектом передачи», таким «важным грузом»), ср. из В.Г. Короленко (1880): *Приехали в уездный город, где ей жительство назначено; сдали её под расписку*. Еще чаще речь идет о том, что заключенного выпускают / отпускают под залог (расписку) как под гарантию того, что он не скроется. Своего рода записью является бумага, представляющая (подробный) расчет заработной платы или другой выплаты – так что можно *получить деньги под расчет* или *уволить под расчет*¹⁸.

8. Заключение

Итак, мы подробно рассмотрели все три группы временных конструкций с предлогом ПОД: с семантикой одновременности (*сон под шум дождя*), непосредственного предшествования (*заснул под утро*, а также [*ему*] *под [софок]*), и проспективности (*пристройка под бассейн*) – с возможностью перестройки в ретроспективность (*деньги под залог*), причем сделали это, предложив корпусный анализ всех вариантов пространственных употреблений этого предлога. Теперь можно с уверенностью сказать, что временные употребления ПОД выражаются в конструкциях совсем другой структуры. Они связаны с пространственным прототипом ПОД – но не напрямую, а через наследование отдельных признаков достаточно общей семантики, как правило, свойственных частным реализациям этой конструкции.

По нашему представлению, как раз так и устроены отношения между исходным пространственным прототипом и нашими конструкциями *одновременности*. Действительно, как мы видели, идея доминанции нижней поверхности хорошо коррелирует со свойством фоновости, характерным для звука. Поэтому именно отпредикатные имена со значением звучания – а не, например, разрушения, движения, эмоций и т.п. «чувствуют себя на месте», оказавшись в сфере действия предлога ПОД. Но фоновость звука означает его параллельность и одновременность основному описываемому событию -- и именно одновременность «переводит» конструкцию в класс временных. Получается, что значение времени возникает вторично, за счет семантики звука, которая, как мы видели, проявляется (и также порождает временные значения) далеко не только в контексте с ПОД, но и с другими предлогами.

¹⁸ Согласно СЛОВАРЬ XI-XIV, в XIII в. залладом или залогом мог быть и человек, ср. сохранившееся до сих пор в этом значении производное *заложник*, но и в других ситуациях – например, как «ограниченный военный контингент», оставленный на конфликтной территории, так сказать, в залог мира (теперь их называют «миротворцы» – или как группа воинов, сидящих в секрете, поджидая врага (ср. современное *засада*, построенное, кстати, по сходной словообразовательной модели).

Другой пример – пространственный признак *границы*, который возникает из зрительного образа вертикальной плоскости. Для ПОД релевантна не граница, а окрестность перед вертикальной поверхностью – как особое, как бы «редуцированное», «воплощение» (прототипического для ПОД) пространства снизу горизонтальной поверхности. Таким образом, идею границы можно считать своеобразным «побочным эффектом» расширения пространственных контекстов ПОД, для них не релевантным. Между тем именно этот семантический признак оказывается «подхвачен» временными контекстами как главный: его значимость выражается в выборе в качестве Y таких временных отрезков или точек, которые имеют рубежные значения – *утро, вечер, старость*, в том числе, ситуативный максимум: *30 лет* (о возрасте), *200 км / час* (о скорости), *40 градусов* (о температуре тела) и др. Другими словами, сильная идея рубежности и пограничности – сама по себе очень периферийная для ПОД – «втягивает» в его сферу действия не свойственные ему имена с яркой семантикой такого рода, а они оказываются временными – причем с множеством собственных свойств, заставляющих, подчас, перестроить весь синтаксис исходной конструкции (как это делают значения возраста).

Наконец, *третий* случай по-видимому, наследует прежде всего свойства приставки, а не предлога – или по крайней мере сложной морфо-синтаксической конструкции с дублированием приставки предлогом. Это довольно старые конструкции (в корпусе хорошо засвидетельствованы такие примеры XVIII-го века), причем с глаголами движения или каузации движения: *подойти, подвести, подогнать* – с метафорическим значением приближения к доминирующему ориентиру как уподобления ему. Они «порождают» конструкции имитации.

С другой стороны, это производные от них номинализации – как *подставка* или *подложка*, построенные по той же словообразовательной модели, с «двойным ПОД»: приставкой и предлогом, но как правило, от глаголов каузации позиции (*ставить, класть*) – впрочем, очень похожих по структуре своего события на глаголы каузации движения. Они обозначают конкретные артефакты из компактного класса с яркой функцией (нахождения снизу), которая, естественно, сопряжена с обязательной предназначенностью таких предметов.

В процессе развития этой конструкции, расширения ее сочетаемости далеко за пределы исходного класса «подставок», возможности «двойной конструкции» расширяются и предлог «сосредотачивает в себе» всю ее функциональную нагрузку. И тут побочная по сути дела, т.е. вторичная для их семантики и крайне далекая от круга канонических значений ПОД идея предназначенности трансформируется в (перспективную) цель – и становится доминирующей, в особенности в интенциональных контекстах. Именно она теперь «упорядочивает» объекты в паре 'X под Y' и вносит в их отношения временной компонент: сначала X, потом Y.

Таким образом, во всех трех случаях временной компонент возникает не из пространственного, а попутно, из привходящих значений, «добавленных» к ПОД-конструкции по мере ее развития. Получается, что употребления ПОД, связанные с временной зоной, действительно по существу далеки от пространственных – и действительно между ними нет прямой связи.

И еще один важный аргумент в пользу этой точки зрения. Как мы помним, временной компонент значения конструкции с ПОД «выбирает» только аккузативное, но не локативное (творительным падежом) маркирование \bar{Y} . В принципе, конечно, по своей семантике творительный, или инструментальный падеж типологически дальше отстоит от зоны времени, чем более привычный временным контекстам аккузатив, который в языках мира стандартно выражает цель, и ввиду этого тесно связан с семантикой будущего (ср., например, Haspelmath 1997, 121). А поскольку цель может осмысляться и как пространственный (как конечный пункт движения), и как временной компонент – то тут можно было бы и искать точки пересечения пространственных и временных употреблений ПОД.

Любопытно однако, что, как мы не раз наблюдали, круг глаголов, характерных для пространственных и временных контекстов, прекрасно противопоставлен: для выражения пространственной семантики используются аккузативные глаголы с *актантной* (исходно пространственной) целью, т.е. с сильной синтаксической валентностью конечного пункта, тогда как для выражения значений, так или иначе связанных с временной зоной, – в подавляющем большинстве случаев – как раз те глаголы, у которых цель факультативна, ср:

попасть под крышу / дождь / арест / удар

vs.

спать под шум / проснуться под утро / копать грядки под огурцы и под.

Таким образом, получается, что в зоне ПОД не только нет привычной связи между пространственной и временной зонами, но наоборот, на всех языковых уровнях наблюдается их отчетливое противопоставление. Действительно, эти зоны противопоставлены грамматически: только пространственные, но не временные значения выбирают творительный. У временных конструкций может быть другая структура (ср. предикативные контексты типа *ей под 80*), другие лексические и таксономические классы – в частности, числительные или имена периодов времени в позиции \bar{Y} . Наконец, глаголы, которые в них участвуют, оказываются противопоставлены синтаксически: в одном случае \bar{Y} оказывается обязательным аргументом, а в другом – очевидно факультативным.

Получается, что вместо того, чтобы сблизить, смешать, совместить пространство и время как понятийные области, в рассматриваемой здесь локализации все возможные средства направлены на то, чтобы наоборот, как можно дальше развести их, еще и еще раз обратив

внимание слушающего, что это разное, удваивая, утраивая, учетверя различительные маркеры самой разной природы.

Чтобы только не ошибиться: пространство – не время!

Литература

- Endresen, A., L.A. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel & S. Sokolova. 2012. *Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all?*
- Goldberg, A. 1995. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago.
- Haspelmath, M. 1997. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. München.
- Herskovits, A. 1986. *Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English*. Cambridge (UK).
- Janda, L. 1993. *A geography of case semantics: The Czech dative and the Russian instrumental*. Berlin.
- Lakoff, G., M. Johnson. 1980. *Metaphors we live by*. 2nd ed. 2003. Chicago.
- Mrázek, R. 1964. *Синтаксис русского творительного*. Praha.
- Nessel, T. 2004. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials. – *Studies in Language* 28 (2), 285-320.
- 2011. Space-time asymmetries in Russian prepositions: Preliminary analysis. – *Poljarnyj Vestnik* 14, 45-62.
- Talmy, L. 2000. How language structures space. – Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. V. I. Cambridge/MA.
- Vandeloise, C. 1991. *Spatial prepositions: A case study from French*. Chicago.
- Wierzbicka, A. 1980. *The case for surface case*. Ann Arbor.
- Апресян, Ю.Д. 2004. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства- – *Русский язык в научном освещении* 1 (7), 5-22,
- Бернштейн, С.Б. (ред.). 1958. *Творительный падеж в славянских языках*. Москва.
- Десятова А.В., О.Н. Ляшевская, А.А. Махова. 2008. Конструкция с творительным формы «X Y-ом». – *Труды международной конференции «Диалог 2008»*. Москва, 133-139.
- Зализняк, Анна А., А.Д. Шмелев. 1997. Время суток и виды деятельности. – Арутюнова, Н.Д., Т.Е. Янко (ред.). *Логический анализ языка: язык и время*. Москва, 229-241.
- Крейдлин, Г.Е. 1997. Время сквозь призму временных предлогов. – Арутюнова, Н.Д., Т.Е. Янко (ред.). *Логический анализ языка: язык и время*. Москва, 139-152.
- Кустова, Г.И. 2004. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва.
- Плуноян, В.А. 2001. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети. – *Московский лингвистический журнал* 5.1, 95-124.
- Е.В. Рахилина. 1998. *Парадоксы валентностей*. – Семиотика и информатика 36.
- — 2000. По поводу локалистской концепции значения: предлог ПОД. – Пайар, Д., О.Н. Селиверстова (ред.). *Исследования по семантике предлогов*. М., 115-133.
- 2013. Грамматика ПОРЯДКА. – *Сборник в честь В.С. Храковского* (в печати).
- Рахилина, Е.В. 2000. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. 2 изд. 2010. Москва.
- Труб, В.М. 1997. О семантической интерпретации высказываний с частицами *ещё, пока, уже*. – Арутюнова, Н.Д., Т.Е. Янко (ред.). *Логический анализ языка: язык и время*. Москва, 218-228.
- Филипенко, М.В. 2000. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор). – Пайар, Д., О.Н. Селиверстова (ред.). *Исследования по семантике предлогов*. Москва, 12-55.